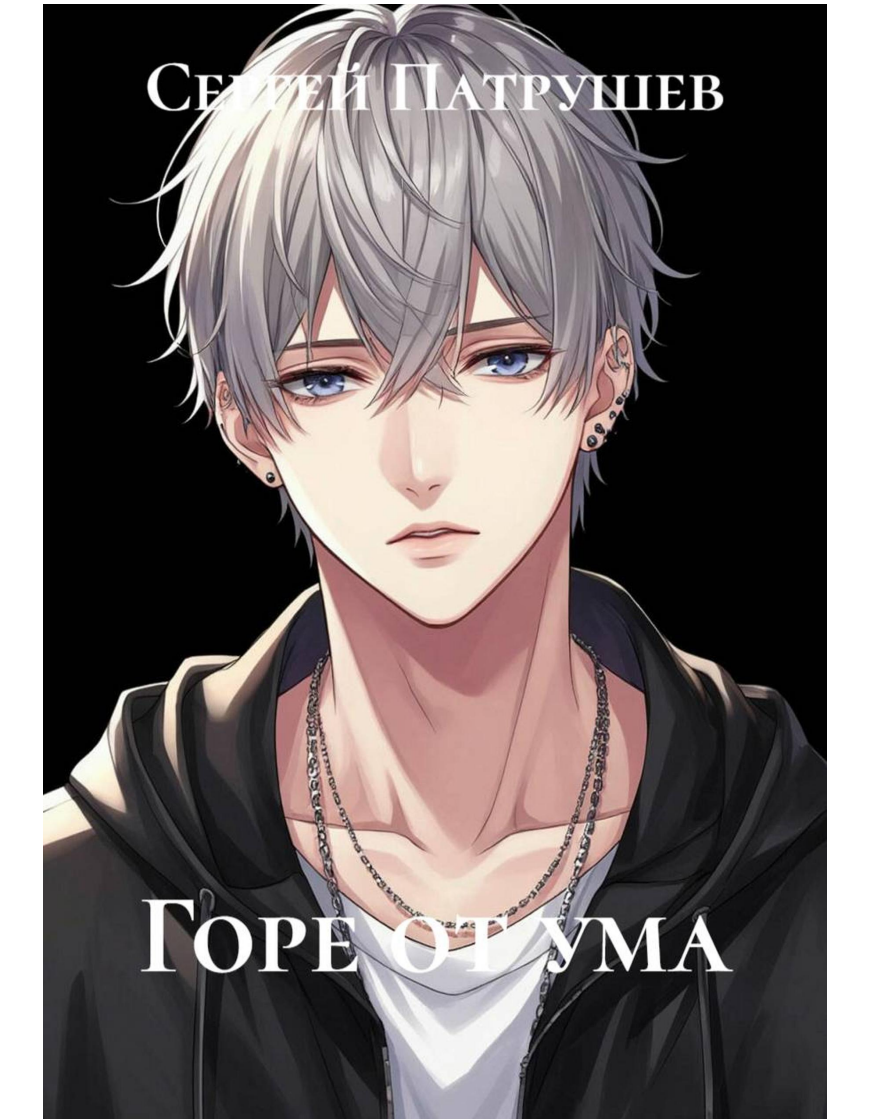

A detailed anime-style illustration of a young man with short, layered grey hair and striking blue eyes. He has a serious expression and is wearing a black hooded jacket over a white t-shirt. Two silver chains are draped around his neck. He has multiple piercings, including a small hoop in his left ear and several studs in his right ear. The background is solid black.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ГОРЕ ОГУМА

Сергей Патрушев

Горе от ума

<https://litres.ru/74446948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он построил карьеру на продаже пустоты, упакованной в красивую обложку. Его книги стали библией для тех, кто боится тишины внутри себя. Но однажды архитектор отчаяния понял страшное: он не лечил чужую боль, он просто торговал обезболивающим, вызывающим привыкание.

Теперь его мир — это разбитая панелька в Бирюлеве и девять миллионов рублей на счету, которые жгут карман сильнее огня. Он ищет выход там, где небо слишком близко к земле.

Говорят, чтобы найти истину, нужно спуститься с вершины интеллекта в грязь реальности. Что произойдет, когда человек, способный объяснить устройство Вселенной формулой, впервые возьмёт в руки топор?

В этой истории нет спасителей. Есть только запах мокрой псины, вкус дешёвого портвейна и один вопрос, который задает старый друг, глядя на твое идеальное резюме: Ты ещё жив или уже стал экспонатом?

Содержание

Глава 1. Фамусовское общество	4
Глава 2. Мария и язык тишины	20
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Патрушев

Горе от ума

Глава 1. Фамусовское общество

Стерильная белизна опенспейса резала глаза, даже несмотря на панорамные окна во всю стену, за которыми лениво текла серая Москва-река и ползли по набережной красные огни утренних пробок. В офисе компании «Вектор-Синергия» царила атмосфера абсолютного, звенящего благополучия. Она пахла не дешевым растворимым кофе из автомата в углу, а дорогим парфюмом, новеньким пластиком макбуков последней модели и едва уловимым запахом чужих амбиций.

Сергей сидел за своим столом, который стоял ровно посередине восьмого ряда рабочих станций. Его монитор транслировал сводную таблицу KPI департамента развития за третий квартал. Цифры были идеальными. Десяносто восемь процентов выполнения плана. Отдел получил премию, руководитель — бонус размером с годовую бюджет небольшой региональной больницы, эйчары обновили раздел вакансий на сайте: «Мы ищем лучших! Присоединяйтесь к команде мечты!»

Идеальная картинка рассыпалась от одного взгляда на со-

седнюю колонку таблицы, куда Сергей имел доступ благодаря старой дружбе с системным администратором Витей. Там была реальность. Реальность заключалась в том, что их флагманский продукт — облачная платформа для малого бизнеса, ради которой они все здесь горбатились последние два года, терял аудиторию со скоростью шагреновой кожи. Стартапы уходили к конкурентам, потому что интерфейс платформы напоминал панель управления космическим шаттлом девяностых годов, а техподдержка отвечала шаблонными фразами трое суток. Продукт был мертвым еще до запуска, но об этом никто не знал. Вернее, знать не хотел.

— Серега, ты опять эту порнуху смотришь? — над ухом раздался бодрый голос Стаса, менеджера по продажам.

Стас источал энергию. На нем была идеально отглаженная рубашка цвета весенней травы, волосы уложены так, словно он только что снялся в рекламе мужского шампуня, а улыбка стоила дороже его же швейцарских часов. Он положил локти на стол Сергея, распространяя вокруг себя облако цитрусового одеколona.

— Это воронка оттока пользователей, Стас, — спокойно ответил Сергей, сворачивая окно. — Мы продаем им иллюзию сервиса. Они платят нам деньги, чтобы мы игнорировали их проблемы. Рано или поздно это рванет.

Стас театрально закатил глаза. Этот жест означал высшую степень утомления от интеллектуальных потуг собеседника. — Братан, ну какой отток? Ты цифры премии видел? Я вче-

ра закрыл сделку с сетью барбершопов. Плюс сорок тысяч евро в кассу. Какая мне разница, уйдет завтра этот барбершоп или нет? Моя задача — продать мечту сегодня. А ты сидишь тут... как эта... Кассандра наша офисная. Накаркаешь еще. Сходи лучше на йогу после работы, у нас корпоративный тариф в студии на Патриках. Выгрузишь свою токсичность. Кстати, будешь участвовать в благотворительном забеге? У меня мерч лимитированный остался, розовый. Тебе пойдет под цвет глаз.

Сергей посмотрел на безупречное, сияющее лицо Стаса. В глазах менеджера не было ни злобы, ни зависти. Была лишь пустота глянцевого журнала. Для Стаса работа была игрой в Sims, где нужно вовремя нажимать правильные кнопки, чтобы шкала счастья персонажа росла. Карьера, машина в лизинге, ипотека в жилом комплексе бизнес-класса, жена-блогерша, ребенок в частной школе — это был набор достижений, которые открывали новые уровни. Вопросы о смысле продукта, о стратегии выживания компании через пять лет или о моральном праве брать деньги за неработающий код находились за пределами этой игры. Это был лаг системы, ошибка в коде мироздания, которую проще всего закрыть крестиком в правом верхнем углу.

— Розовый мне не пойдет, — сказал Сергей. — И я не выгружаю токсичность. Я пытаюсь понять, почему наши сервера падают каждый раз, когда клиент пытается экспортировать базу данных больше десяти гигабайт.

— Ой, всё! — Стас хлопнул ладонью по столешнице. — Вечно ты усложняешь. Жизнь слишком коротка, чтобы париться из-за баз данных. Живи в моменте, старик. Медитируй. Питайся солнцем. Ну или хотя бы сходи на смузи-детокс. Корпоратив покрывает. Ладно, побежал закрывать чарты. Не кисни!

Стас умчался, оставив после себя фантомное ощущение зубной боли. Сергей перевел взгляд на коллегу слева. Илья, ведущий аналитик. Илья никогда не разговаривал вслух, если этого можно было избежать. Он общался стикерами в Slack и языком Excel. Сейчас он медленно, почти медитативно строил дашборд. Дашборд назывался «Динамика позитивных упоминаний бренда в инфополе». Проблема была в том, что динамика была отрицательной. Упоминания падали четвертый месяц подряд. Но Илья решал проблему изящно. Он просто изменил масштаб оси Y на графике, растянув ее вверх. Теперь кривая падения выглядела как легкое, почти незаметное плато. Гениально. Если показать такой график совету директоров, тревога сменится легким удовлетворением. Илья не лгал напрямую, он просто оптимизировал визуальное восприятие реальности. Он был художником своего рода, рисующим покой на краю пропасти.

Сергей встал. Ноги затекли. Ему нужен был воздух, настоящий, а не пропущенный через систему климат-контроля, которая поддерживала в офисе вечные двадцать два градуса Цельсия. Он прошел мимо зоны отдыха, где группа моло-

дых стажеров громко обсуждала новый сезон какого-то реалити-шоу. Одна из девушек, заметив Сергея, демонстративно прижала палец к губам и прошептала подругам: — Тсс. Молчи, дедушка думает о судьбах России.

Они засмеялись тихим, булькающим смехом людей, уверенных в собственной безнаказанности. Сергею было тридцать четыре. По меркам здешнего молодняка, набранного прямо с факультетов менеджмента Высшей школы экономики, он уже считался ветераном, динозавром, пережитком эпохи кнопочных телефонов.

Он вышел на лестничную клетку пожарного выхода. Здесь курить было запрещено строжайшим приказом гендиректора, но именно поэтому место считалось элитным клубом посвященных. Тут курил сам финансовый директор и пара начальников отделов. Сейчас там стояла Лена из пиар-отдела. Лена была воплощением новой искренности. Она носила огромные очки без диоптрий, мешковатые худи оверсайз и говорила низким, слегка прокуренным голосом, вставляя в речь англицизмы.

— Хай, — кивнула она Сергею, выпуская струйку дыма. — Опять депрессивный думскроллинг? — Анализ жизне-способности нашего титаника, — ответил Сергей, доставая электронную сигарету. — Лен, скажи честно, тебе самой не тошно продавать вот это вот всё? Эти бесконечные пресс-релизы про нашу социальную ответственность, пока наш собственный сервер лежит от DDoS-атаки школьников из пято-

го «Б»?

Лена прищурилась, внимательно изучая его сквозь стекла своих фальшивых очков. Она сделала глубокую затяжку. — Сереж, — начала она тоном психотерапевта, говорящего с трудным подростком. — Посмотри на это шире. Работа — это не про серверы. Работа — это социальный конструкт. Мы создаем смыслы. Люди хотят верить, что покупают инновации. Им плевать на архитектуру базы данных. Им важно чувствовать, что они причастны к чему-то большому и светлому. Мой личный бренд сейчас строится на концепции уязвимости лидера. Я пишу посты о том, как тяжело быть женщиной в айти. Лайки зашкаливают. Инвесторы видят человечность, акции растут. Это метафизика, Сереж. Оставь свои бинарные коды айтишникам-фундаменталистам. Мы живем в эпоху симулякров.

Она говорила гладко, красиво, используя слова, значения которых сама вряд ли могла объяснить без гугла. «Социальный конструкт», «метафизика», «симулякры». Это был птичий язык нового дворянства. Фраза должна была звучать весомо, остальное неважно. Сергей вспомнил Грибоедова. «Ученье — вот чума, ученость — вот причина...» Только теперь вместо книг врагом был здравый смысл. Коллеги не читали книг, они слушали подкасты на скорости два икс, потребляя мотивацию жевательными порциями. Любая попытка глубокого анализа считалась дурным тоном, признаком того, что человек не умеет делегировать, плохо спит и ско-

ро сгорит. Профессиональное выгорание стало новым статусным заболеванием, вроде чахотки у барышень девятнадцатого века.

— То есть, если я напишу пост о том, как больно смотреть на падение аптайма, ко мне придут инвесторы? — устало спросил Сергей. — Нет, — Лена щелчком отправила окурок в направлении урны и промахнулась. — К тебе придет отдел безопасности и попросит подписать бумагу о неразглашении коммерческой тайны. Потому что твоя правда никому не нужна, Сереж. Нужна красивая упаковка. Успех должен выглядеть успешным. Даже если внутри гниль. Особенно если внутри гниль. Свежий фасад продается лучше всего.

Вернувшись на свое место, Сергей открыл почту. Во входящих висело письмо от генерального директора Аркадия Борисовича с пометкой «Важно!!! Всем сотрудникам!!!». Темой письма значилось: «Культура синергии и осознанной эмпатии: новая глава нашей истории».

Текст начинался словами: *«Коллеги, привет! Сегодня мы не просто IT-компания. Мы — семья. Семья, которая меняет ландшафт цифрового будущего Евразии...»*

Сергей пролистал вниз. Три страницы водянистого текста о важности взаимовыручки, совместного досуга и отказа от эгоцентричного мышления. В конце была ссылка на обязательный опросник. Двадцать вопросов. «Насколько вы чувствуете плечо коллеги справа?» (варианты ответа от "совсем не чувствую" до "готов отдать за него почку"). «Оцените уро-

вень психологической безопасности в вашей кросс-функциональной ячейке».

Это была гениальная манипуляция. Назвав корпорацию семьей, руководство снимало с себя всякую формальную ответственность. В бизнесе контракты, сроки, неустойки. В семье — долги, чувство вины и манипуляции. Если ты перерабатываешь до двух ночи перед релизом, ты делаешь это не ради квартального бонуса, которого, скорее всего, не будет, потому что «рынок просел». Ты делаешь это ради семьи. Ты подводишь семью. Аркадий Борисович виртуозно играл на базовых человеческих инстинктах принадлежности.

К обеду мозг Сергея начал плавиться. Опенспейс гудел ульем. Кто-то бесконечно репетировал презентацию по видеосвязи, повторяя фразу «Давайте синхронизируемся по ожиданиям» с интонацией буддийского монаха. Группа маркетинга в переговорной играла в настольный футбол, празднуя удачный посев статьи в Telegram-канале. Звук ударов мячика по пластиковым фигурам отдавался в висках пулеметной очередью.

Сергей попытался зайти в кабинет к Тимуру, техническому директору. Тимур был единственным человеком в здании, который понимал разницу между JavaScript и Java. Когда-то, три года назад, они вместе пришли сюда полными надежд построить лучшую платформу на рынке.

Теперь дверь в кабинет Тимура была закрыта. Над ней горела красная табличка «Deep Work Mode» — режим глубо-

кой работы. Сергей толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Тимур сидел в кресле, откинув голову назад. На его лице была маска для сна с гелевыми вкладышами. На столе стояли три пустые банки из-под энергетика, а экран монитора спал. Тимур не работал. Он прятался. Режим Deep Work стал официальной индульгенцией для побега из матрицы. Повесь табличку — и тебя не тронут час. Можно спать, можно читать новости, можно просто смотреть в стену. Главное — имитировать великое делание.

Сергей сел на гостевой диван. — Она дышит? — тихо спросил он, кивнув на спящий монитор. Тимур вздрогнул, сорвал маску. Под глазами залегли густые фиолетовые тени. — Она в коме, Серега, — хрипло сказал он. — Мы прикручиваем к мертвому телу косметические протезы. Руководство требует геймификации личного кабинета. Бейджи за вход в систему. Прогресс-бар заполнения профиля. Представляешь? Человек хочет перевести деньги контрагенту, а ему выскакивает уведомление: «Поздравляем! Вы получили достижение „Активный пользователь“. Поделитесь радостью в соцсетях». Я отказываюсь это писать. Говорю, это убивает конверсию. Мне отвечают, что моя токсичность демотивирует джунов. Джуны, мать их! Они пишут код, который падает от первого же запроса, зато у них митапы по пятницам и печеньки с протеином.

— Так уйди, — просто сказал Сергей. — У тебя скилл DevSecOps такого уровня, что тебя любая финтех-контора

с руками оторвет. Умножишь зарплату на два, будешь работать удаленно с Бали.

Тимур горько усмехнулся и потер переносицу. — Куда? — спросил он шепотом. — Ты думаешь, там иначе? Думал. Ходил на собеседования. Знаешь, какая главная компетенция сейчас везде? Cultural fit. Соответствие культуре. Приходит мальчик-интервьюер в рваных джинсах, пьет свой флэт-уайт и спрашивает: «А кем вы видите себя в нашей экосистеме ценностей через три года?». Я говорю: «Я вижу себя пишущим чистый, документированный код». Он смотрит на меня как на говно. Оказывается, правильный ответ: «Я хочу драйвить рост метрик вовлеченности и кайфовать от коллабораций в эджайл-спринтах». Все, Серега. Весь рынок труда превратился в секту свидетелей успешного успеха. Или ты улыбаешься и несешь ахинею про миссию, или ты изгой. Нам некуда бежать. Мы заперты в самом комфортабельном концлагере в мире. Здесь отличная кормят, выдают модные робы и разрешают раз в год ездить в оплачиваемый ретрит.

После обеда состоялось общее собрание отдела. Огромный телевизор на стене транслировал улыбающееся лицо Аркадия Борисовича. Директор находился на яхте где-то в Эгейском море — связь иногда прерывалась шипением статики, добавляя происходящему налет героического преодоления обстоятельств.

— Команда! — вещал Аркадий Борисович, перекрикивая шум волн. — Я смотрю на ваши отчеты и мое сердце радуется.

ся! Мы показали лучший рост в сегменте! Да, у нас есть технические вызовы. Наш СТО, Тимур, работает над этим в режиме двадцатичетырех на семь. Спасибо, Тимур, ты герой!

Тимур, сидевший рядом с Сергеем, беззвучно показал директору средний палец, глядя прямо в камеру ноутбука. Никто, кроме Сергея, этого не заметил. Остальные дисциплинированно печатали в блокноты тезисы.

— Но технологии — это база, продолжил директор. — Настоящий прорыв ждет нас впереди. Мы запускаем проект «Пульс Синергии». Это наше новое мобильное приложение для сотрудников. Там не будет скучных табелей учета времени. Там будет ваша жизнь! Челленджи! За то, что вы поздоровались с охранником, вы получаете плюс десять очков кармы. За то, что принесли домашний контейнер с едой — бейдж «Эко-воин». Набираете тысячу очков — обмениваете их на мерч. Футболку с нашим аватаром! Или... — Аркадий сделал драматическую паузу, — сертификат на сеанс крио-сауны! Мы заботимся о вас. Мы хотим, чтобы вы чувствовали пульс компании каждым нейроном!

Опенспейс взорвался аплодисментами. Стас вскочил и крикнул «Йес-с-с!», выбросив руку в победном жесте. Лена из пиара быстро делала заметки, наверняка придумывая слоган для рассылки: «Почувствуй пульс. Стань частью легенды». Илья-аналитик уже, вероятно, рисовал в уме схему начисления этих идиотских баллов.

Сергей почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

Физическая, тяжелая. Воздух в помещении вдруг стал густым и липким. Они всерьез радовались приложению, которое будет отслеживать их походы в туалет и награждать виртуальными медальками. Это был финал. Апофеоз абсурда. Взрослые, образованные люди с университетскими дипломами добровольно соглашались превратить свою единственную жизнь в ферму для сбора внутрикорпоративной валюты.

— Есть вопросы? — лучась цифровой добротой, спросил Аркадий с экрана.

Рука Сергея поднялась сама. Он не планировал этого. Он вообще старался молчать на таких мероприятиях. Но тишина собственного внутреннего протеста стала невыносимой.

— Аркадий Борисович, — голос прозвучал глухо, и Сергею пришлось прочистить горло. — Проект выглядит интересно с точки зрения HR-бренда. Но согласно последним логам наших микросервисов, основная монолитная архитектура не выдержит нагрузки мобильного приложения. У нас очередь сообщений растет экспоненциально уже сейчас. Если добавить туда трекинг активности тысячи восьмидесяти семи сотрудников в реальном времени, система ляжет окончательно. Вместо того чтобы тратить ресурсы бэкенд-команды на написание алгоритмов выдачи бейджей за питье воды, может, выделим трех инженеров на рефакторинг ядра? Иначе через месяц ваш «Пульс Синергии» будет показывать всем ошибку 504, и никакой мерч этого не исправит.

Как только он закончил, наступила та самая вязкая, ося-

заемая тишина, которая бывает только перед ударом грома. Было слышно, как в системе вентиляции гудит подшипник. Стас замер с открытым ртом. Лена перестала улыбаться. Тимур медленно закрыл лицо руками.

Аркадий на экране моргнул. Его профессиональная улыбка на секунду дала сбой, обнажив холодную сталь бизнесмена. — Сергей... — мягко, почти отечески произнес директор. — Спасибо за вашу равнодушную позицию. Искра важна. Но давайте будем честны. Рефакторинг — это процесс долгий, дорогой и невидимый для конечного пользователя. Это внутренняя кухня. А людям нужны победы. Людям нужны видимые изменения. Приложение — это быстрый win. Быстрая победа, которая даст нам импульс. Что касается архитектуры... Наши админы что-нибудь подкрутят. Добавят мощностей в облако. Бюджет позволяет. Не надо искать сложности там, где их нет. Ваш вопрос очень важен для нас, спасибо за смелость быть собой, это ценно. Переходим к следующему пункту повестки.

Экран мигнул и пошел полосами. Трансляция прервалась. Сергей опустился на стул. Он не чувствовал триумфа правдоруба. Он чувствовал себя прокаженным. Соседи по столу физически отодвинулись от него, создавая зону отчуждения. Стас смотрел на него с жалостью, как на душевнобольного.

— Ну ты дал, конечно, — процедил Стас, когда менеджеры рангом пониже начали расходиться. — Прямо в эфир.

Перед гендиром. На яхте. Психолог корпорации обязательно отметит твой кейс в отчете. Повышенная тревожность, синдром спасателя. Выпиши себе успокоительного. И удали на всякий случай историю браузера.

— Я просто назвал вещи своими именами, — огрызнулся Сергей. — Вот именно! — горячо зашептал Стас, наклоняясь к нему. — Своими! А надо — нашими. Правильными. Имя вещи дает тот, кто платит зарплату, Сереж. Запомни правило номер один в большом бизнесе: инициатива имеет инициатора. Ты сейчас инициировал проверку технического долга. Знаешь, чем это кончится? Совет директоров увидит цифру затрат. Им станет страшно. Они найдут крайнего. Этим крайним будешь ты, потому что ты раскачал лодку. Нельзя говорить королю, что он голый. Король знает, что он голый. Вся свита знает, что он голый. Но если ты скажешь это вслух, казнят именно тебя. За нарушение общественного договора. Договор простой, Серега: мы делаем вид, что работаем и развиваемся, а они делают вид, что платят нам за развитие, а не за лояльность. Усвоил?

День тянулся бесконечно. Сергей механически двигал мышкой, делая вид, что заполняет форму отчета. Внутри него впервые за долгое время образовалась звенящая пустота. Дело было не в серверах и не в глупом приложении. Дело было в законе физики этого места. Здесь гравитация работала иначе. Любая мысль, плотность которой превышала плотность сладкой ваты, камнем шла на дно и давила того,

кто ее выпустил.

Негласное правило этого дома, этого офиса, этого времени наконец оформилось в его голове в четкую, убийственно простую формулировку: будь как все, не высывайся. Не предлагай. Не анализируй. Не сомневайся. Потребляй контент, генерируй радость, участвуй в челленджах. Твоя зарплата — это плата за твою анестезию. Взамен ты отдаешь право называть черное черным.

Вечером, собирая рюкзак, Сергей увидел Илью. Тот методично собирал со стола разноцветные стикеры-напоминалки. Один из них упал на пол. Сергей поднял его и хотел отдать. На желтом квадратике аккуратным, каллиграфическим почерком было выведено одно слово: «Помалкивать».

Сергей положил стикер обратно на стол, развернулся и пошел к лифтам. Впервые за три года работы в «Вектор-Синергия» он нажал кнопку не основного этажа парковки, а самого первого — вестибюля.

Холодный октябрьский воздух ударил в лицо, отрезвляя. Город жил своей жизнью, рычал моторами, спешил по тротуарам. Где-то там, за кольцевой дорогой, были заводы, стройки, поля, настоящая боль и настоящие задачи. А здесь, в стеклянной башне, несколько сотен высокооплачиваемых специалистов играли в самую страшную игру современности — в имитацию смысла.

И самое страшное, понял Сергей, стоя на крыльце под светом яркой вывески, что большинство из них искренне счаст-

ливы в этой игре. Они нашли идеальный способ не взрослеть.

Он достал телефон. Открыл сайт по поиску работы. Курсор завис над полем резюме. Обновлять профиль? Менять одну золотую клетку на другую, чуть более просторную, но с точно такими же правилами? Писать в графе «О себе» те самые мерзкие слова про «экосистемы ценностей» и «драйвинг роста»?

Сергей заблокировал экран и убрал телефон в карман. Он спустился в метро. В грохоте старого вагона красной ветки, среди уставших лиц возвращающихся домой работяг, дышать стало немного легче. Завтра он снова пойдет в башню из стекла и бетона. Он будет сидеть в своем ряду. Но играть по правилам он больше не собирался. А значит, война с обществом версии два ноль официально началась. Война, в которой у противника были все ресурсы, а у него — только понимание того, насколько глубоко прогнила палуба их общего корабля.

Глава 2. Мария и язык тишины

Если апенспейс «Вектор-Синергия» был стерильным хирургическим отделением, где ампутировали здравый смысл, то квартира Марии на двадцать втором этаже новостройки в Хамовниках напоминала идеальную декорацию для скандинавского артхауса. Здесь не было ничего лишнего. Белые стены, мебель из светлого ясеня, огромный серый диван, на котором страшно было оставить след от чашки, и панорамное окно во всю стену, превращающее вечернюю Москву в россыпь дешевой бижутерии на черном бархате.

Сергей лежал на этом диване, поджав ноги, потому что боясь задеть стеклянный столик стоимостью в его месячную зарплату после вычета налогов. Он смотрел на профиль Марии. Она сидела в кресле, подобрав под себя ноги, и медленно перелистывала страницы тяжелого глянцевого журнала о дизайне интерьеров. Свет торшера падал на ее лицо сбоку, очерчивая высокие скулы, тонкий нос с едва заметной горбинкой — последствием детской травмы, которую она никогда не исправляла, называя это своей «несовершенностью», дающей ей право быть настоящей — и линию губ. Губы были ее главным оружием. Полные, четко очерченные, они редко складывались в широкую улыбку, чаще оставаясь чуть открытыми в выражении вечного, немного утомленного спокойствия.

— Ты опять думаешь, — сказала она, не отрываясь от страницы с фотографией идеальной кухни без ручек.

Ее голос всегда звучал так, словно она только что проснулась или собирается уснуть. В нем не было высоких частот, визгливости, суеты. Это была частота покоя.

— Я пытаюсь решить уравнение Шрёдингера применительно к твоему коту, — ответил Сергей.

У Марии действительно жил черный кот по кличке Ницше. Сейчас он спал на подоконнике, свернувшись идеальным полукольцом. — У него нет уравнения. Он просто спит, — Мария перевернула страницу. На глянце блестел золотой логотип часов Patek Philippe. — Почему ты не можешь просто сказать: «Ты красивая, мне нравится смотреть, как ты читаешь»?

— Потому что это будет ложью упрощения, — Сергей сел, обхватив колени руками. Его долговязая фигура казалась нелепой в этой царстве геометрии и дорогого минимализма. — Если я скажу, что ты красивая, я солгу. Красота — это категория эстетики, внешняя оболочка. Твоя красота — побочный эффект твоей внутренней структуры. Когда ты смотришь на этот журнал, твои зрачки расширяются ровно на полмиллиметра. Это происходит потому, что твой мозг обрабатывает визуальный паттерн, сравнивает его со своим внутренним каталогом гармонии и выдает микродозу дофамина. Я вижу не девушку с журналом. Я вижу самый сложный биохимический процесс, упакованный в совершенную био-

логическую форму. Сказать тебе «ты красивая» — все равно что посмотреть на Большой адронный коллайдер и восхититься цветом краски на стенах.

Мария наконец подняла на него глаза. В них плескалось темное озеро усталости. — Сережа, — мягко начала она. — Мне сегодня исполнилось двадцать восемь лет. Мой бывший парень... мы расстались три года назад, но остались друзьями... прислал мне букет белых пионов и написал СМС: «Солнце, будь счастлива». Три слова. Солнце. Будь. Счастлива. Я прочитала это и улыбнулась. А от тебя за весь вечер я услышала про лямбда-исчисление, теорию струн и нейромедиаторы. Скажи мне просто: ты рад, что я родилась?

Сергей почувствовал, как внутри него натягивается невидимая струна. Это была их главная точка трения, тектонический разлом, который медленно, но верно распиливал их отношения надвое. Они познакомились полгода назад на лекции популяризатора науки в лектории парка Горького. Мария пришла туда с подругой, которая работает в том же PR-отделе, что и Лена из компании Сергея. Подруга быстро заскучала и ушла пить просекко, а Мария осталась. Сергей тогда читал лекцию (бесплатно, для души) о парадоксах времени. После лекции она подошла к нему и спросила одну вещь: — Если время относительно, значит ли это, что те шестьдесят секунд, которые мы сейчас молчим, глядя друг на друга, могут длиться вечно в какой-то другой системе координат?

Он влюбился в нее именно в эту секунду. Не в краси-

вое лицо, не в стройные ноги, которые идеально облегалось простое черное платье. Он влюбился в саму попытку сформулировать физику через лирику. Ему казалось, что он нашел свою Евклидову точку, свой единственный неподвижный объект в хаотично движущемся мире корпоративного безумия.

Первые два месяца были похожи на медовый месяц двух астрофизиков. Они гуляли по Воробьевым горам, и он рассказывал ей о смерти звезд. Они пили дешевое вино на кухне у него в Бирюлево, и она читала вслух Бродского, находя в ритмике стиха математические прогрессии. Она впитывала его сложность как сухая земля впитывает дождь. Она задавала вопросы, от которых у него мурашки бежали по позвоночнику. Ей нравилось быть непонятной для других и абсолютно ясной для него.

Но человеческая психика имеет предел абсорбции сложности. Как губка не может впитать океан, так и живой человек не может постоянно находиться в режиме деконструкции реальности. Сергею потребовалось полгода, чтобы понять страшную вещь: Мария не хотела познавать мир глубоко. Ей хватало той глубины, которая помещается в кадр инстаграма. Ее ум был острым, как скальпель, но она использовала его не для вскрытия истины, а для изящной нарезки социальных связей.

Мир Марии состоял из брендов, статусов и правильных мест. Она работала байером в концепт-сторе мужской одеж-

ды. Она знала всё о плотности японского денима, о правильном оттенке некрашеной кожи и о том, почему кроссовки лимитированной серии лучше подчеркивают статус владельца, чем костюм ручной работы. Для нее философия заканчивалась там, где начиналась примерочная кабинка.

— Я рада, что родилась, — ответила она сама себе на свой же вопрос. — И я рада, что ты здесь. Но когда ты рядом, Сережа, мне кажется, что я сдаю экзамен. Вечный, бесконечный экзамен по предмету, который я не выбирала. Экзистенциальная физика. Я прихожу домой уставшая. Я хочу снять свои туфли, которые стоят как подержанный автомобиль, выпить бокал вина и услышать, что у меня красивые щиколотки. Просто щиколотки. Кость и кожа. Без привязки к теории эволюции и тому факту, что наши предки слезли с деревьев.

— Но твоя эволюционная линия — это самое прекрасное, что в тебе есть! — воскликнул Сергей, подаваясь вперед. — То, что ты выжила в ледниковые периоды, что твой геном мутировал миллионы лет, чтобы создать вот эту конкретную конфигурацию сетчатки глаза, способную отличить оттенок «бургунди» от оттенка «марсала»... Это чудо!

— Для тебя чудо — митохондрия, — горько усмехнулась Мария, откладывая журнал. Теперь она смотрела прямо на него, и ее взгляд перестал быть расслабленным. — А для меня чудо — это когда мужчина приносит женщине кофе в постель. Не объясняя при этом происхождение кофейного дерева сорта арабика и влияние высоты произрастания на кис-

линку во вкусе. Просто ставит чашку и целует в лоб.

Она встала. Движение было плавным, хищным, кошачьим. Кот Ницше на подоконнике дернул ухом, реагируя на смену атмосферного давления в комнате. — Пойдем на кухню, — сказала она. — Я сделаю нам чай. Эрл Грей. Без бергамота, потому что у тебя на него легкая гистаминовая реакция, хотя ты упорно это отрицаешь, считая свою аллергию метафорой неприятия буржуазности.

На кухне она двигалась уверенно. Достала тяжелый чугунный чайник, наполнила его фильтрованной водой. Сергей остался стоять в дверном проеме, чувствуя себя слоном в посудной лавке. Каждый предмет здесь имел свое место, каждый стык между столешницей и фартуком был герметичен. В его съемной однушке вещи имели свойство размножаться: книги стопками занимали пол, провода змеились по полу, на столе валялись распечатки кода. Там был хаос жизни. Здесь была музейная чистота смерти.

— Знаешь, что сказал мой папа, когда первый раз с тобой познакомился? — Мария включила плиту, голубое пламя газовой конфорки вспыхнуло почти беззвучно. — Он отвел меня в сторону и спросил: «Доченька, он здоров? Головой».

— Очень остроумный старик, — процедил Сергей. — Бывший военный снабженец. Человек, чья высшая духовная практика — это взятка начальнику склада ГСМ. Конечно, для него человек, цитирующий Канта, выглядит как симп-

том шизофрении.

— Не трогай моего отца, — голос Марии стал стальным. Пламя отражалось в ее глазах. — Да, он простой. Да, он считает, что лучший отдых — это шашлык на даче. Но он ни разу в жизни не заставил маму плакать от того, что ей слишком сложно с ним разговаривать. Понимаешь? Сложность — это не признак ума, Сережа. Часто это просто панцирь. Броня. Способ спрятаться от самого простого чувства — потребности в другом человеке. Ты боишься близости больше, чем черной дыры в центре Млечного Пути. Потому что черную дыру можно рассчитать. А женщину, которая хочет просто помолчать рядом, держась за руки, — нельзя.

Чайник начал тихонько подвывать. Сергей закрыл глаза. Она била точно в цель. Она была права. Его интеллектуализация всего сущего была защитным механизмом аутиста, запертого в теле взрослого мужчины. Мир людей был для него слишком громким, слишком быстрым, слишком непредсказуемым. Космос подчинялся законам термодинамики. Люди подчинялись гормональным всплескам и дурному настроению. Чтобы выжить среди людей, он построил вокруг себя лабиринт из слов. Умных, сложных, красивых слов. И теперь сам не мог найти оттуда выход.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? — тихо спросил он. — Я люблю тебя. Вот. Три слова. Без контекста. Я люблю тебя.

Мария выключила газ. Она взяла заварочный чайник, согрела его кипятком, насыпала сухие черные листья. Запах

бергамота, вопреки ее словам, все же поплыл по кухне — дорогой, густой, успокаивающий. Она стояла спиной к нему, ее плечи были напряжены.

— Я хочу, чтобы ты пришел в субботу в ГУМ, — сказала она, не оборачиваясь. — Там открылся новый корнер парфюмерии. Вышел фланкёр Chanel. Хочу флакон. Тот самый, синий. Стоит сорок тысяч. Я хочу, чтобы ты пошел, купил его, принес мне и сказал: «Это тебе, потому что ты пахнешь, как дом, в который хочется возвращаться». И всё. Никаких лекций о химии эфирных масел альдегидов.

— Сорок тысяч за спирт с отдушкой? — вырвалось у Сергея. — Маш, это абсурд. Это маркетинговая наценка за бренд. Мы могли бы на эти деньги съездить...

— Замолчи, — она резко обернулась. Лицо ее исказилось, стало некрасивым, злым. — Просто замолчи. Бога ради, просто заткнись на одну минуту. Ты вообще слышишь себя? Ты слышишь, как ты убиваешь всё живое своими анализами? Я женщина. Я хочу глупую синюю бутылочку. Я хочу чувствовать себя женщиной, ради которой совершают иррациональные поступки. А я живу с ходячей диссертацией. С функцией $f(x)$, где x — это моя потребность, а результат всегда равен нулю, потому что аргумент признан экономически неэффективным.

Она достала из шкафчика две белые фарфоровые чашки. Руки ее слегка дрожали. — Я устала, Сережа, — продолжила она уже тише, глухо. — Я очень устала быть экспонатом в

твоим личным музее философии. Я не хочу быть музой мыслителя. Я хочу быть бабочкой, которую мальчик поймал сачком и держит в кулаке, боясь сжать слишком сильно, чтобы не помять пыльцу. А ты... ты препарируешь меня иглами. Раскладываешь на стеклышке. И удивляешься, почему мои крылья больше не трепещут.

Она поставила чашки на стол. Разлила чай. Пар поднялся ровными столбиками. — Я звонила маме сегодня, — сказала Мария, садясь за стол напротив него. — Рассказывала про нас. Мама плачет. Она говорит: «Машенька, он хороший мальчик, умный. Но жить нужно с мужем, а не с профессором. Муж греет спину ночью. Профессор требует, чтобы ты законспектировала главу из учебника анатомии перед сном».

Сергей взял свою чашку. Фарфор обжигал пальцы. Чай был слишком горячим, как и этот разговор. Он сделал глоток. Горечь обожгла язык. — Я могу измениться, — прошептал он. — Я попробую. Я буду... проще.

Мария посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Так энтомолог смотрит на редкий вид насекомого, пытаясь определить, опасен ли он. — Нет, — покачала она головой. — Не сможешь. И дело не в том, что ты плохой. Дело в том, что ты настоящий. Ты — это ты. Со всеми своими спектральными анализами и экзистенциальными кризисами по утрам. Ты не сможешь перестать думать. Это твой метаболизм. Проблема в том, что мой метаболизм этого не выдерживает. Я за-

дыхаюсь. Вакуум твоего интеллекта вытягивает из меня воздух простых желаний.

Она допила чай одним большим глотком, даже не поморщившись от температуры. Поставила чашку. Звук тонкого фарфора о дубовую столешницу прозвучал как выстрел стартового пистолета.

— Я поеду к Ленке, — сказала она, вставая. — Переночую у нее. Нам надо дистанцироваться. Посмотреть на структуру наших отношений со стороны. Провести аудит чувств.

При слове «аудит» Сергея передернуло. Даже уходя от него, она говорила на языке корпоративных презентаций. — Не надо аудита, — он тоже встал. — Маш, пожалуйста. Давай просто посмотрим тупой сериал. Закажем ужасную жирную пиццу. Я не буду анализировать состав пепперони. Я обещаю. Мы будем просто жрать пластиковый сыр и смотреть, как люди ругаются в реалити-шоу. Хочешь?

В ее глазах на долю секунды мелькнуло сомнение. Та самая девочка с лекции в парке Горького, которой хотелось чего-то необъяснимого. Но потом она вздохнула. Вздох был глубоким, окончательным. Словно кто-то выпустил воздух из проткнутого шарика.

— Это звучит еще хуже, Сереж, — тихо сказала она. — Твой поход в макдак выглядит как социальный эксперимент. Твои объятия ощущаются как замер артериального давления. С тобой невозможно просто жить. С тобой можно только учиться. А я окончила школу. Я хочу диплом. Я хочу вый-

ти в жизнь.

Она прошла в коридор. Открыла встроенный шкаф-купе. Стали видны ряды одинаковых вешалок с одеждой приглушенных, природных оттенков. Ни одного кричащего цвета. Жизнь должна быть экологичной, сдержанной, пастельной.

Сергей стоял посреди кухни, сжимая в руках остывающую чашку. Он слышал, как щелкает молния на ее чемодане на колесиках. Чемодан стоил дороже, чем вся техника в его квартире. Порядок должен быть во всем.

Хлопнула входная дверь. Спустя минуту замок провернулся снова. Мария вернулась. Она стояла на пороге кухни, уже одетая в кашемировое пальто жемчужного цвета. Сумка известного французского бренда висела на плече.

— Я забыла сказать главное, — произнесла она. Ее голос снова стал ровным, профессионально-бархатным. Тем самым голосом, которым она убеждала клиентов покупать свитера из викунии за тысячу евро. — Дело не в синей бутылочке. И не в деньгах. Деньги — это просто ресурс. Дело в том, что вчера умер мой дедушка. Отец мамы. Инфаркт. Поздно вечером. Мама позвонила утром.

Сергей окаменел. Воздух мгновенно вышел из легких. — Господи, Маша... Почему ты молчишь? Почему мы... Тебе нужна поддержка. Куда я смотрю? Я идиот. Прости. Мы никуда не едем. Я еду с тобой к маме. Прямо сейчас.

Он шагнул к ней, собираясь обнять. Попытаться забрать часть ее боли физической близостью. Мария сделала полша-

га назад, уклоняясь от его рук. Легкая гримаса отвращения — мимолетная, почти незаметная для обычного человека, но Сергей ловил такие микровыражения инстинктивно — пробежала по ее лицу.

— Не надо, — отрезала она. — Не смей использовать смерть моего деда, чтобы спасти наш союз. Это низко. Дедушку похоронят завтра. Мама справится, она сильная. Она не одна, там толпа родственников с салатами и водкой. Всё нормально. Речь шла не об этом.

— А о чем?! — крикнул Сергей, впервые за долгое время теряя контроль. — О чем, Маша?! Ты приходишь ко мне в день своего рождения и говоришь, что умираешь от скуки рядом со мной, когда у тебя только что скончался близкий человек! Чего ты от меня хочешь?!

— Я хотела, — она посмотрела ему прямо в глаза, и в ее взгляде не было ничего, кроме холодной пустоты московского ноября, — чтобы ты заметил. Сам. Без моих подсказок. Чтобы ты увидел, что у меня красные глаза. Не потому, что я резала лук на кухне, а потому, что я плакала в ванной полчаса назад. Чтобы ты отложил свои чертовы таблицы КРІ и космические теории. Чтобы ты подошел, взял меня за руку и спросил: «Что случилось, родная? Кто тебя обидел?». А ты сидел и решал уравнение кота.

Она развернулась к двери. — Прощай, Сережа. Желаю тебе однажды встретить ту, чей внутренний космос будет достаточно велик, чтобы вместить твой. Или ту, кому будет аб-

солютно плевать на космос, лишь бы вовремя выносил мусор. Я не та и не другая. Я посередине. А середина с тобой не выживает.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал в оглушительной тишине квартиры точь-в-точь как звук сработавшего реле, отключающего подачу кислорода в отсек космической станции.

Сергей остался один.

Первым делом он прошел в ванную. Заглянул внутрь. На бортике джакузи — белоснежного монстра с хромированными форсунками — стояли тюбики с кремами, флаконы с сыворотками, зубные щетки. Две. Рядом лежала ее расческа с несколькими длинными темными волосками.

Он вернулся на кухню. Чай в его чашке покрылся тонкой пленкой. За окном окончательно стемнело, и Москва-сити зажгла свои синие огни, похожие на индикаторы огромного сервера, переваривающего данные миллионов таких же одиноких людей.

Сергей сел на пол, привалившись спиной к холодильнику. Он вытащил телефон. Открыл мессенджер. Написал Тимуре: «Тоха, привет. Кажется, я профукал любовь всей своей жизни. Потому что пытался объяснить ей квантовую запутанность вместо того, чтобы купить цветы. У тебя осталось то крафтовое пиво?»

Ответ пришел через десять секунд: «Остатки сладки. Адрес кидай. Только учти, у меня дома бардак. Настоящий. С

носками под столом. Надевай тапочки, если найдешь пару».

Сергей посмотрел на свои ладони. Затем на идеальный, без единого пятнышка кухонный гарнитур. Мария не просто ушла. Она забрала с собой последнюю иллюзию того, что его странность — это дар, который рано или поздно оценят. Оказалось, что для большинства людей гениальность — это просто шум. Громкий, раздражающий фон, мешающий слушать собственное сердце.

И самое чудовищное открытие вечера заключалось в том, что где-то глубоко внутри, под слоями философских концепций и интеллектуальной гордыни, Сергей понимал: она была права. Абсолютно, убийственно права. Он действительно убил их отношения не отсутствием любви. Он убил их избытком рефлексии. Любовь нуждалась в кислороде банальности, а он перекрыл ей воздух постоянной необходимостью значить нечто большее.

Он поднялся с пола. Ноги затекли. Доковылял до окна. Прижался лбом к холодному стеклу. Где-то там, внизу, по Садовому кольцу неся поток машин. Внутри каждой сидели люди. Кто-то слушал шансон, кто-то спорил с навигатором, кто-то целовался на заднем сиденье такси. Никто из них прямо сейчас не думал о расширении Вселенной. И, похоже, они были гораздо счастливее человека, который знал скорость света наизусть.

Сергей оттолкнулся от стекла. Нужно было одеться. Идти к Тимуру. Пить теплое, выдохшееся крафтовое пиво и слу-

шать, как скрипят пружины старого дивана. Заново учиться искусству быть простым парнем с окраины, которому разби-
ли сердце. Без приставки «экзистенциальный».

Квартира погружалась в темноту. Автоматически вклю-
чился дежурный свет в коридоре, залив пространство мерт-
венно-синим неоновым сиянием. Кот Ницше бесшумно
спрыгнул с подоконника, подошел к Сергею, потерся о его
ногу и требовательно мяукнул. В отличие от хозяйки, коту
было плевать на когнитивный диссонанс хозяина. Кот хотел
жрать. Это было самое честное требование во вселенной.

Сергей наклонился, поднял животное и зарылся лицом в
густую шерсть. От кота пахло домом Марией — тем самым
сухим шампунем и еле уловимым запахом чистоты. Он вдох-
нул этот запах полной грудью, запоминая его. Через неделю
рецепторы привыкнут, и он перестанет чувствовать ее при-
сутствие в воздухе. Начнется стадия распада памяти.

— Ладно, приятель, — сказал он коту. — Пойдем грабить
холодильник. Сегодня разрешу тебе есть человеческую еду.
Философия отменяется. Объявляется диктатура желудка.

Ницше мурлыкнул, принимая капитуляцию человеческо-
го разума перед законами биологии. Глава закрывалась. Вме-
реди была пустая страница, на которой предстояло написать
текст заново, стараясь избегать причастных оборотов и ссы-
лок на античных мудрецов. Начинать следовало с малого.
Например, научиться говорить слово «люблю», не задумы-
ваясь о том, является ли оно социальным конструктом или

объективной реальностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.